

Грузия против России
[Georgia v. Russia] (I) (№ 13255/07)
Решение от 30 июня 2009 г. [вынесено V Секцией]

Жалоба затрагивает события, развернувшиеся после задержания в Тбилиси в сентябре 2006 г. четверых российских военнослужащих по подозрению в шпионаже. В октябре 2006 г. четверо военнослужащих были освобождены в порядке милосердия. Одиннадцать грузинских граждан были арестованы по тем же обвинениям.

Государство-заявитель утверждает, что реакция российских властей на этот инцидент представляла собой модель официального поведения, повлекшую конкретные и систематические нарушения Конвенции и протоколов к ней. Как указывалось, эти нарушения вытекают из предполагаемого запугивания грузинского иммигрантского населения в России, а также масштабных задержаний и арестов, создающих общую угрозу безопасности личности и многочисленных вмешательств в право на личную свободу по произвольным основаниям. Грузинское государство также жалуется на условия, в которых содержались более 2 000 грузинских граждан. Оно указывает, что коллективная высылка грузин из Российской Федерации предполагала систематическое и произвольное пренебрежение документами, свидетельствующими о законном праве пребывания в стране, надлежащими процессуальными правилами и установленным порядком обжалования. Кроме того, закрытие сухопутной, воздушной и морской границ между Россией и Грузией, последствием которого явилось нарушение всех почтовых коммуникаций, лишило заинтересованных лиц доступа к средствам правовой защиты.

Претензии государства-заявителя делятся на четыре основные категории: задержание и арест грузинских граждан в нарушение статьи 5 Конвенции; условия содержания этих лиц под стражей, нарушающие статью 3 Конвенции; меры по высылке, принятые против них в нарушение статьи 4 Протокола № 4 к Конвенции и статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции; и, наконец, остальные меры, предположительно принятые в нарушение прав, гарантированных Конвенцией (статья 8 и статьи 1 и 2 Протокола № 1 к Конвенции). Каждую из этих статей заявитель просит применить обособленно и во взаимосвязи со статьями 13, 14 и 18 Конвенции.

Российское государство отрицает существование административной практики, направленной против грузинских граждан и оспаривает содержание документов, представленных государством-заявителем, а также выводы докладов международных организаций. Российское государство утверждает, что российские власти не применяли карательных мер против грузинских граждан, а продолжали применять законодательство, направленное на пресечение незаконной миграции в соответствии с требованиями Конвенции и международными обязательствами Российской Федерации.

Европейский Суд, прежде всего, определил предмет жалобы. Он полагает, что ее содержание и объем, а также письменные и устные материалы грузинского государства-заявителя достаточно ясны для судебного рассмотрения. По мнению Европейского Суда, предмет жалобы охватывает два различных аспекта: предположения о существовании административной практики и утверждения о нарушении индивидуальных прав, гарантированных Конвенцией. При рассмотрении вопроса о том, соответствуют ли предположения о существовании административной практики пункту 1 статьи 35 Конвенции (критериям приемлемости), Европейский Суд учитывал доказательства, представленные сторонами, и нашел, что утверждения грузинского государства-заявителя не могут считаться полностью необоснованными, или что они не отвечают требованиям к добросовестным заявлениям, предусмотренным статьей 33 Конвенции[♦]. Что касается вопроса о том, соответствуют ли эти утверждения правилу шестимесячного срока, оспариваемые события, как указывается, начались в России после задержания 27 сентября 2006 г. четырех российских военнослужащих в Грузии, а жалоба подана в Европейский Суд 26 марта 2007 г. Поскольку грузинское государство-ответчик представило дополнительные доказательства после этой даты, вопрос о шестимесячном сроке настолько тесно связан с вопросом о существовании административной практики, что они должны быть рассмотрены совместно при рассмотрении жалобы по существу. Что касается вопроса о том, соответствуют ли утверждения о нарушении индивидуальных прав, гарантированных Конвенцией, пункту 1 статьи 35 Конвенции, вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты настолько тесно связан с вопросом о существовании административной практики, что они должны быть рассмотрены совместно при рассмотрении жалобы по существу.

♦ Указанная статья прямо не регулирует добросовестность заявлений и устанавливает, что «Любая Высокая Договаривающаяся Сторона может передать в Суд вопрос о любом предполагаемом нарушении положений Конвенции и Протоколов к ней другой Высокой Договаривающейся Стороной» (прим. переводчика).

Решение

Жалоба признана приемлемой.